

Уральская природа глазами И.И. Акулова

по роману «Ошибись, милуя»

**Подготовила библиотекарь
Туринской ЦРБ им. И.И. Пущина
Музычкина Светлана Ивановна**

14.08.2015

О том, что человек и природа связаны неразрывными нитями, писали и говорили в 19 веке все наши классики. А философы конца 19-начала 20 века даже установили связь между национальным характером, образом жизни русского человека и природой, среди которой он живет.

В творчестве Ивана Ивановича Акулова обязательно присутствуют описания природы. Он писал о войне, о деревенской жизни, но во всех его произведениях чувствуется безграничная любовь к природе, таинственной и прекрасной. Акулов воспринимает ее как живое существо. Он восхищается природой, всматривается в мельчайшие явления окружающего мира. В его произведении «Опибись, милуя» встречается разный пейзаж, описаны все четыре времени года: весна, лето, осень, зима. Акулов восторгается видом природы, ее красотой. И самое ценное для нас, уральцев, что описывает он нашу природу. Так чувствовать и ценить природу может только человек тонкой душевной организации. Акулов настойчиво повторяет нам, читателям, что природа – самое прекрасное, что может быть на свете. Благодаря писателю мы внимательнее

приглядываемся к окружающему миру.

Цель данной работы: показать на примере романа И.И. Акулова «Ошибись, милуя» особенности описания уральской природы. Для этого приведены отдельные цитаты из романа с описаниями природы и ссылки на цитируемые страницы.

Цитаты из романа

И.И. Акулова «Ошибись, милуя»

За реку глянешь- сердце мрет: леса и леса до самого неба. Для нас это одно любование: мы люди лесные... (с.13).

«Всякий предмет живой или неживой природы может стать учителем и наставником, если обрести дар разговаривать с ним. Надо уметь видеть, слышать и понимать природу. Научиться ведать природу - значит приобщаться к ней, быть ей не чужим, а близким, своим, - быть в состоянии слипаться с нею, чувствовать себя нераздельною частью ея и приобщаться великих животворных сил, в чем именно так сильно нуждается современный человек... Ведать

природу значит уметь ее наблюдать, понимать, у нея учиться, а учение это дает пищу не только для ума, но и для души. Именно очень много дает для души - это надо помнить.

Говоря о природе, я понимаю ее в самом широком смысле слова: мир растений, мир животных, мир неорганический- во всей их гармоничной целокупности - с облаками и звездным небом включительно. Все это завещано нам и неразрывно навеки привязывает нас к Родине» (с.57).

Знаете, наше село Межевое стоит на древнем и высоком берегу Туры. Река, сказать, совсем убралась в понизовье, ушла от села, а за нею размахнулась такая неоглядная даль, что - для шутки будь сказано, - на цыпочки привстань и Ледовитый океан увидишь. А по другую сторону села, от реки ежели, легли увалы - по ним поля, леса, деревни, покосы, общинные стада. Самый большой увал распахан под хлеба и называется Столбовой горой. От реки этот увал поднимается долго, полого, но когда взойдешь на него, то и поскотины, и загороды, и село, и пойменные лу-

га, да и сама Тура, - все игрушечное, а затурским далям конца нет, словно слились они с небом и вознеслись на небеса (с.105).

Перед глазами, выше головы его, поднималась густая, нагретая солнцем зелень травы, которую даже не брало прямое полуденное солнце, зато изнутри вся зелень была налита таким нежным и сочным светом, словно тихое сияние исходило от каждого стебелька и каждого листочка. Огородов удивился свежести травы - все-таки уж лето давно за перевалом - и начал рассматривать, что тут росло. Выше всего из межевой дикоросли вымахал мятлижник, вольно вызревший, с тяжелой от семян метелкой. Огородов пригнул к себе его тонкий, прогонистый и гладкий стебелек, и на полу пиджака просыпался щедрый высев сухих зерен. Низом, по самой земле, выстилась по-весеннему молодая и чуть-чуть влажная куриная склевка; над нею ежилась дикая редька; в прогалах, не своей силой, конечно, цепляясь за соседей, бодрилась луговая герань, небось раз третий за лето убранная скромными фиолетовыми цветками, чи-

тыми и светлыми, как первое откровение. И вязал наконец всю зелень в неразъемную паутину мышинный горошек, который тоже гляделся свежо, только полные стручки его взялись седым ворсом.

Огородов смел с пиджака сорную осыпь мятлика, а опустевший колосок его пропустил через щепоть - и меж пальцев нахохлился тугой пучок семянки. И вспомнилось ему свое село. Страдник-июль. Знойный полдень. Тишина и безлюдье по деревням: весь крестьянский мир на покосе, а мужики поразгонистей, уже благословясь, взялись за жнитво. По косогорам въяве притомилась отбеленная рожь, овсы местами так затяжелели, что покачнулись и даже вылегли. За овинами, в травяном перестое, воздух напоен дурманом укропа и конопли.

Мальчишкам тут приволье - они до тошноты объедаются нелущеным горохом, молодым, сахарным. Неспелую овощь - что в ней толку - матери берегут от детей, потому всяк для себя ворожит на мятлике, будет ли ему выволочка за краденый горох. Если от колоска мятлика в щепотке сбежался петушок с гре-

бешком, гуляй без заботы, а курочка, без хохолка, жди лупцовку (с.137).

По календарю уже минуло полвесны. В полях почти источились снега, ясной лазурью повиты небеса, жаворонки успели опеть всяк свою проталинку, а тепла все еще не было. Выпадали дни, когда, словно бы с крыла птицы, так и опахнет полуденным ветром, уж совсем бы пришла пора обогреву, да нет, однако, лежит земелька в стылой ковани и берет со всех сторон сквозная настуда. Бывает, талые воды совсем подмочат пойменные луга, а сами отливают сталью, зябко дрогнут и не манят. Чибиcы потерянно мечутся над стылыми болотами, всхлипывают в надорванном плаче, навевая тоску и безнадее. И невольнo думается, полноко, да будет ли управа-то на отзимье. И - вдруг, чаще всего в нoчь весеннего полнолуния, ударит широкая ростепель, и с низкого излета непременно обронят свой привет-ный крик журавли. Считай, что весна свое выждала; утра пойдут теплые, солнечные, а к полудню вся земля дышит живым духом, и воздух влажен, мягок, а в

а в перелесках сразу скажется сладкая горечь осин и берез; молодой ивняк, стоя по колено, а местами до пояса в воде, задышит, задымит желтой опушью, того и гляди, займется буйным зеленым пламенем. С крыш сползают и обвально падают мокрые остатки снега. В голых ветвях тополей открылась воробьиная ярмарка - на ней уже всяк подгулял и всяк буен во хмелю, у всякого хвост трубой. Над дорогой и окольными полями стригут и стригут скворцы - облетывают свою полузабытую родину. А вечером, на заходе солнца, рассядутся по деревьям, и начнут у них тихие смотрины, тихий сговор, а разлетятся попарно, как со свадьбы с любовным согласием. На припеке день-деньской греются кобели, измотанные на свадебных пирах, иному и не суждено уж отогреться, потому как отпировался, отгулял свое, но стоит ли тужить, если на восходе новая, молодая жизнь, а он ее прямой виновник.

Тюмень встретила Семена Григорьевича Огородова ярким утренним солнцем, разливами предпраздничного благовеста и тем светлым, радостным об-

новлением в природе, которое приходит с весенним полнолунием, приносящим и прибыльные перемены, и крепкий приплод ко времени, и пасху, праздник вечного воскресения (с.174-175).

Кормили лошадь и варили себе еду на речке Иленьке, которая уже буровила полойные воды, неся к Туре луговые остожья, лесной хлам, как взнузданный и горячий конь, набивая пену в изломах и затоках. Прибрежные заросли тальника и черемухи местами подтоплены до вершинок, гнутся, совсем тонут, выныривают, бегут против воды, с журчанием режут быстрые и мутные ее потоки. Чуть повыше по взъему берега кусты залиты всего лишь по колено, зато космы прошлогодней не прокошенной в них травы, отмягшей и отбеленной в снегах, струятся, выются по течению, промытые и вроде частым гребнем расчесанные по полоску.

Полдень был солнечный. Кучевые облака шли редко, по невысоко, с размытым синевато-льдыстым подножьем, в них вьяве чувствовалась весенняя необогретая поспешность, талая прохлада, какую бы-

вает обвеяна вся апрельская земля Сибири.

Не переезжая Иленьку, съехали с дороги, копытами и колесами раздавили мелкий кустарник, и их сразу обдало сильным и крепким запахом смородины и сырого ивняка, будто тут уж совсем прижилась весна и вот-вот зажужжат вспугнутые пчелы (с.201).

Расставались у хлебных лабазов купца-мукомола Ларькова на берегу Туры. Река пошла в разлив, шумела и крошила лед. От большой воды наносило холодом, хотя полуденное солнце настойчиво пригревало (с.204).

Под высоким фосфорическим сиянием неба сырая земля казалась совсем черной, была кое-как видна жердяная изгородь на меже с поскотиной, а дальше только угадывалась по широкому дыханию даль лугов, разметы Туры, и леса, леса (с.209).

С лугов заметно брало острой наветренной прохладой, и Семен всем заплечьем почувствовал свою отсыревшую шинель, чтобы размяться, поеживаясь, пошел к колодцу. Грязные доски сладко пахли

весенней свежестью и новым тленом. Долбленная из цельной осины труба, вместо сруба, щербатая по кромке, деревянная намокшая черпуга в железных обручах, дышали тающим льдом, который, видимо, так крепко настыл в колодце, что из него тянуло лютой зимней стужей. Семен вдруг вспомнил и обрадовался, что не забыл: ведь у них в колодце твердая вода со своим каким-то жестко диковатым вкусом. Она не годится на питье, губит мыло и щелок, а летом, когда выпасы у речки, домашнюю воду обегает и скотина (с.210-211).

Подворья деревни Борки тесно сбились в кучу на том берегу Супряди. Из Межевого туда рукой подать, да не во всякое время. Супрядь - речка низинная, и мост через нее пришлось вынести на взгорье, выше по течению, отчего дорога в Борки выкинула петлю по выпасам верст на пять.

Летом, правда, когда луг подсохнет, а речка обмелеет, ее переезжают вброд почти у овинов боровских мужиков. Если же кому-то нужно налегке, да еще на скорую руку, бегают и напрямик, через сухой лог, но

спуск, а того хуже выъем по крутым глиняным осыпям - не приведи господь. А бабы хоть гуртом, хоть в одиночку вообще не ходят через лог, потому что оваян он дурной славой с незапамятных времен.

Когда Ермак Тимофеевич шел в Сибирь, то спустился по Туре до речки Супряди без единого выстрела. Однако выглядки Епанчи с каждого угорья выстораживал проплывавшие мимо Ермаковы струги, а в устье Супряди сделали первый залом, осыпав казаков калеными стрелами, они выманили их на берег и подвели под удар татарской конницы с Окрайной горы, где сейчас стоит Межевое. В лугах Туринской поймы на берегу Супряди произошло первое столкновение казаков с сибирской ордой. Этой встречи ждали, к ней готовились те и другие, но никто не подозревал, что будет она такой жестокой и кровопролитной. Клубок сцепившихся воинов за день несколько раз перекатывался на повершье Окрайной горы, а затем безнадежно обрывался вниз, пока наконец Ермак не бросил в обход ватажку ратников, которые с запяток накрыли татарский юрт и

смели его вчистую. Потрясенные гремучим огнем и храбрым натиском всельников, защитники сибирских урманов бросились наутек и почти без боя оставили Епанчинск. Однако ниже, в устье Ницы, они снова собрались с силами и снова трянули боем Ермаково войско, да так трянули, что дальше оно, обескровленное и измотанное, не могло успешно продвигаться. Отыскивая выгодное порубежье, Ермак сумел еще отбить у татар Чинш-Туру и стал в ней на зимовку, заложив здесь Тюменский острог.

Татарские улусы, откочевавшие в леса и болота Зауралья и в Притоболье, то и дело предпринимали набеги на русские сторожевые поселения по крупным рекам, а Межевой острог, поставленный на Окрайной горе, много раз выжигали дотла, вырезали поголовно, не разбирая ни старого, ни малого. С тех пор и было замечено, что земля на Окрайной горе, видимо, так пропитана кровью, что берега Сухого лога неиссякаемо точат сукровицу. И среди глиняных осыпей, и под замшелыми колодами, и в гнилом валежнике, случается, и прямо на тропе нет-нет да и

проступит ключик, и вода в нем жарко-красная, а там, где стекает она, вся земля запеклась под коросту (с.216-217).

По свежей пахоте гуляли сытые точеные галки; на дальней меже что-то с криком делили вороны, издали похожие на сермяжное тряпье, подхваченное ветром (с.237).

На поднятую пахоту прилетели скворцы и пали в борозды, торопливо кланяясь земельке. Иные подбегали совсем близко, а улетаая к деревне, долго тянули низом по прямой строчке, и было хорошо видно, как туго трепещут они своими острыми крылышками, просвеченными трепетным солнцем (с.238).

С Туры веяло сыростью молодой короткой ночи и свежей прохладой лугов (с.247).

Он задами, через огород, вышел на скат берега и сел в молодую, яркую, сыростью и прохладой пахнущую траву. В кустах черемухи звенели овсянки. На гибкой вершинке молодой ели качалась и встряхивалась сорока, взмахивая то вверх, то вниз своим упругим хвостом, - в густой зелени ельника ее белая

манишка пронзительно сияла накрахмаленной новизной. Над головой было белесо-жаркое небо с редкими кучевыми облаками. Где-то, вероятно совсем рядом, было осиное гнездо, и осы с тонким и сердитым жужжанием проносились мимо и западали в траву (с.261).

После суровой зимы, когда, казалось, все выстыло и безнадежно погибло, когда весенние отзимки укрепляли дурные предчувствия, вдруг обвеет всю землю небесным теплом, и, бывает, за одну ночь леса, луга и поля оденутся в светлую теплую зелень. Свежими ветками берез, ранними цветами украшают русские люди свои избы, ворота, храмы, и всюду сладко пахнет липким березовым листом, ранней загубленной травкой, напоминающей середину лета.

По теплой земельке духов день - самый широкий праздник, но и самый голодный: до нового хлеба еще далеко, огород только-только обзеленился, и там нет даже завязей. Скотина пошла в нагул, и добрый хозяин скорее сдохнет сам, чем поднимет на нее руку. Но

народ глядит все-таки бойко: коровы уже набирают летнее молоко, пахнущее свежими лугами, по перелескам высыпал малый гриб, с верховьев в Туру свалилась рыба - подросток леща и нельмы; из замойных ям поднялся окунь, который вылежался до размеров большого лаптя. Однако мужик не столько рад подоспевшему промыслу, сколько чайанной близости урожая трав, хлебов, льна, картошки, конопли. Как начнется со знатных петровок мужицкая страда, так и пойдет до самых крепких инеев, когда вот-вот грянут зазимки, а капуста за недосугом все еще горюет на грядках: ее, случается, рубят по стылой земле, и прихваченные морозцем кочаны повизгивают и хрюкают, вроде сытых подсвинков. Тяжела страда, да припаслива, потому и ждет ее мужик как своей сладкой муки, выбивается к осени из последних сил, но знает, что воздаст ему земляца по трудам его и сбереженное им зернышко вернется колосом. К вечному круговороту жизни приставлен пахарь (с.266-267). Праздник Петра и Павла приходится на самую красную, светозарную пору

лета, однако совпадает он с началом страдных работ, и потому отмечают его урывками, да и то не в каждой семье. Зато всякому ведомо, что Петр прибавил мужику хлопот, а Павел денька убавил, значит, живи и торопись делом: солнышко пошло на укорот, птичьи песни поумолкли, кукушка откричала свое до другого года, в полях под всполохи зарниц тяжелеют хлеба, каждое деревце уже обронило по листику, а травы, те совсем грозят перестоем: чуть замешкайся - на корню зачерствеют. Заботной и неусыпной душе крестьянина не до гуляния об эту пору, хотя по святому календарю - праздник Петра и Павла (с.288-289).

Вечер был тихий и теплый. Красное солнце село в закатное марево, которое по темноте примутся полосовать зарницы. За огородами, совсем рядом, в росной траве робко пробовал свой голос дергач: скрипнет и молчит. Помолчав, опять скрипнет. А по другую сторону села, где сразу начинаются поля, тянуло нагретыми за день хлебами, уже скликались перепела (с.294).

А на дворе предосенье. Погода стоит сухая, тихая и кроткая, с блеклыми, но свежими зорями и росными прохладными ночами. Воздух тяжело хмелен от сытых августовских припасений: по дворам, гумнам и дорогам пахнет теплыми снопами, провеванным и сохнувшим на солнце хлебом, лошадиным потом и приторной прелью еще золотистого жнивья. По омежьям опять пробиты заглохлые с прошлой страды и густо затянутые травой колеи - по ним с утра до вечера катят мужицкие телеги, оставляя на придорожных кустах клочья соломы, а упрямый репейник, заступающий колею, весь испачкан горячей колесной мазью (с.303).

С речного понизовья широко тянуло прохладой, свежо и их пущей сыростью остывших лугов. Дальние окоемы неба за Турой уже не проглядывались. Мороком заволакивало и реку, и пойму с кустами ивняка и черемухи, ельник на береговых укосах и ту сторону лощины, куда спустились с увала телеги. С севера, поперек дороги, шли легкие и белые, с темными рваными закрайками, тучи, предве-

щавшие непогоде. На тихой земле под низким сумеречным небом все было приговорено к неодолимой осенней глухоте и печали. Подступала нелюдимая пора (с.313).

На всех картах Российской империи граница между ее частями, европейской и азиатской, проходит и по маленькой речке Мурзе, затерянной среди болот и лесов Зауралья. Сама Мурза ничем не примечательна, потому как задичала в непролазных зарослях ивняка и черемухи, местами сплошь завалена буреломом, а на плесах и перекатах сама набила такие зато-ры из лесного хлама, что вынуждена обходить их, делать немыслимые петли, словно заяц, путающий свой след по первому снегу. Но как ни мала речка Мурза, а ей суждено было стать частицей великого рубежа между двумя материками, потому как именно она резонно отделила отроги Урала от начавшихся здесь бескрайних просторов западной низинной Сибири. Однако даже при такой завидной роли живет Мурза по своим извечным законам малой лесной речки. Весной она, будто заправская река, играет в

большую воду и тогда льется могуче, широко, державно, не признавая ни своих берегов, ни своих петьель. Под ее напором с хрустом и треском рушатся завалы, всплывают матерые колоды, и под горячую руку Мурза уносит их, да и все, что близко и плохо лежит: мужицкие дрова и остожья, мосты и срубы, завозни, огороды и бани. После бурного разлива она так же быстро опадает, бросая по пути в прибрежных кустах все, схваченное второпях, а там, где скачивались ее мутные воды, остается грязная иловина, которая быстро подсыхает, схватывается коркой, и кажется, не выбиться из-под нее на белый свет ни единому росточку на благодатных заливных лугах. Но пройдут первые дожди, легко смоят все весенние наносы, а под ними, оказывается, уже угрелись и пошли в рост молодые побеги луговых трав. А сырая земля еще студена, студена и вода в речке, низовой проемный озноб так и берет навывлет, но Мурза уже вся белым-бела, будто невеста в подвенечном уборе; это зацветает черемуха, и сильный вязкий запах ее в острой прохладе особенно крепок. И с этой поры

вплоть до осенних утренников над Мурзою ходят пьяные туманы: воздух то горьковат от цветущего дикого хмеля, то сладко сдобрен смородиновым листом или настоян на тяжелом дурмане таволожника, а в пору цветения липы все окрест обнесено сладкими волнами теплого меда. В петлях Мурзы, где много светлых еланей, в зеленом заветрии, воздух совсем недвижим, нагрет и густ, и пожалуй, только здесь, в затишье, можно бесконечно слушать, как неистово гудят возбужденные запахами пчелы, как заливается в высоком полете важный шмель, как, путаясь в травах, гневно звенят и зудят осы. Но едва солнце перевалит за полдень, как от воды, из кустов, тотчас потянет сыростью и вместе с нею поднимутся неистребимые легионы комаров. К петровкам вызреет разнотравье и луга забродят молодым сеном, а лесная теплая прель так и отдает сырым груздем. По запахам, идущим близ реки, нетрудно понять, что в малинник на Мурзе навалился медведь сластена, расшевелил ягодные заросли и будет шататься там, пока его не вспугнут. Вечерами, по сухоросью, с полей

векает жнивьем, снопами, смолеными телегами, и вся земля дышит полнотой и радостью выношенной жизни, спешной работой в припас. А в тальниках уже по-осеннему задубели и гремят, как жость, подсохшие листья, в зелень плакучих берез вплетены желтые ленты, и ольховые чащи источают тонкий аромат подопревшей коры и неодолимого тлена. Да уже не за горами и само непогодье: опять все измокнет, жухлое, обитое ветрами былье до самого снега будет куриться пресным летучим дымом. Под холодные зори падут первые зазимки и засеребрится луговая отава белым, тихо и погибельно звенящим инеем. Потом надо ждать первых морозов и первого снега. Но Мурза в канун ледостава еще раз наберет разлив, иной год даже выплеснется из берегов, однако предзимнего оцепенения ей уже не одолеть. Вода ее давно продрогла, потемнела, и не подсмострится в тусклую зыбь ее зардевшаяся рябина, не увидит своей осенней красы, которую в голодное непогодье за один налет погубят прожорливые дрозды, сбившиеся в стаю перед дорогой к теплу...

Семен Огородов подъезжал к Мурзе в тихий морозный полдень. Над лугами цепенел жесткий холодный туман.

Заснеженный лес был тих и бел. Березовые опушки сливались с туманом. Овины и кладки необмолоченного хлеба, увитые пышным куржаком, выступили к дороге неожиданно и близко (с. 364-367).

По межам и опушкам, где зимние вьюги намели высокие сугробы, снег затвердел, спекся, и наст его так прочно заледенел, что только потрескивал под ногою. Подножья деревьев и стеблей полыни на солнце уже обтаяли, будто оступились в глубокий снег, на теплых космах прошлогоднего былья, похожего на мочало, под кустами лозин, трепетно сверкают и горят крупные холодные капли. С понизовий, что в тихом заветрии, тянет широким согретым дыханием, и снег тут же успел набрякнуть, отяжелел, густо засеян вытаявшими крылатыми чешуйками березы. По пригретым увалам, на белом зимнем покрывале, негусто чернеют заплаты проталин, - зе-

мелька на них еще не живет, стылая, зато снежные закрайки початы лучами солнца, изъедены и осыпаются стеклянным крошевом, истаивая без мокра.

Небо до того высокое и чистое, что за видимой высью его так и угадывается простор, а за ним - новые, уже запредельные дали; но думается, как бы ни были они велики и неохватны, эти дали, есть и у них свои законы времен и теперь там так же, как и на земле, сияет солнце и подошла весна (с. 460).

После двух теплых, солнечных недель перепали холода с быстрыми темными тучами и мокрым снегом, который напористо несло и несло каким-то низом, а ночью ударил мороз и все сковал, обледеневшие ветви деревьев, раскачиваясь на ветру, зазвенели, как тонкий хрусталь. Накануне показавшиеся скворцы куда-то улетели. Воробьи и вороны спрятались. В голых полях было мрачно, пусто и безнадежно. По избам, как и зимой, жарили печи, а над крышами не было дымов, потому что их ветром срывало с труб и бросало в пургу, отчего летучий снег подозрительно отдавал свежей гарью. Мужики,

убиравшие коней на ночь, дивились в сердцах непогодью: истинно говорено, апрель, ему только поверь, он не началом, так концом обманет. Хозяек апрель-молодец совсем обольстил: они и зимние рамы оклеенные бумагой, выдрали, створки оконниц распахнули, а ведь знали, что до Федула окна настежь - теплу дорогу застишь. Но все-таки дорогу лету кажется апрель. Сменился ветер, в тучах промылись лазурные прогалины, и опять брызнуло солнце, будто виноватое в чем-то, усерднее прежнего взялось за свою работу. Опять объявились птицы: в палисадниках, на зеленеющих ветках рябин, дрались воробьи, скворцы освистывали свои гнездовья, вроде окликали друг друга, а держались уже попарно. За Мурзой, в старом березовом лесу, свежо и задорно орали грачи. Над почерневшим за зиму жнивьем-перестарком звенели жаворонки. В трепетной наго-те полей и лесов уже билась юная, робкая, стыдливая, но упрямая жизнь. И время торопило - минул вешний Егорий, подходил Евсей, после которого не зевай - паши да сей.

Несмотря на позднее отзимье и холода, земля поспела сроку, потому что раньше обычного выпал обильный весенний, пахучий дождь, и даже ночами над пашнями стояли густые теплые туманы (с.505).

Май на исходе. Уже перепали первые жары. В полях воздух влажен, тепел и свеж от молодой зелени. Озимые окрепли и пошли в трубку. Раньше обычного отцвела черемуха, потому что нынче на нее не перепало холодов. Березовый лес совсем развернул лист и чутко вздрагивает, звенит и лопочет в переборах ветра. На припеке зудят и зудят оводы, исступленно падают на скотину, и та ищет от них защиты в тальниковых зарослях, где все еще по-весеннему сыро, прохладно и топко. А вечерами, когда стада возвращаются домой, они несут с собой запахи полуденного зноя, сырой луговой тины и нагуленного молока, отдающего пресной зеленью ранних трав. Свежим молоком сейчас отпаивают детей от всяких зимних немочей.

По сумеркам мальчишки со свистом и гиком уго-
няют табуны лошадей в луга, к Туре, и всю ночь от-
туда слышен куцый звяк железных ботал, видны ко-
стры, видно, как балуется ребятня, гоняясь друг за
другом с горящими головнями. По росе из низов до-
носится заботливое и нежное кряканье селезней, в
тихую минуту где-то совсем далеко, в займищах,
дергач пробует свой вроде бы не смазанный, скрипу-
чий голос - ему пока еще неуютно в низкой испол-
нявшейся траве, и он боится выдать себя своей за-
ветно-призывной песенкой. На переломе короткой
ночи в прибрежных тальниках, на той и другой сто-
роне Туры, гремят только что прилетевшие соловьи.
Опытные сразу берут высоко и полно, словно на од-
ном дыхании, а те, что помоложе, - со сбоем в по-
свистах, но если выщелкивают, да еще не в первом
заходе, рассыпаются с не меньшей дерзостью и та-
лантом,- истинно лешевы дудки (с.513-514).

Борозды он укладывал поперек поля и поднимал-
ся от луговины к Туринской дороге, которая и была
верхней гранью огородовских наделов. К вечеру

Семен прошел последний след и, выставив из борозды плуг, упал в пыльную, жесткую придорожную траву. Рядом, вдоль по канаве, росли кусты цветущего шиповника, и в них гудели пчелы, временами попахивало приторной сладостью розового масла. От усталости, жары, запахов и пчелиного гуда у Семена кружилась голова, звенело в ушах, и оттого казалось ему, что земля под ним тоже не стоит на месте, а падает куда-то в провал и уносит с собой его, Семена (с.519).

Только успели подняться в гору за речкой Прямыцей, как справа, с заречных лугов, стало заносить темно-лиловую тучу. Из-под нее пахнуло вдруг свежим ветром, болотной травой, и там же как-то робко громыхнуло, будто упала крышка на пустом сундуке...

Гроза захватила их на полпути. Шум ливня по ржаному полю они слышали раньше, чем он подошел к ним, и, пока укрывались пологом, на него тяжело упали первые крупные капли дождя (с.527).

Иван Иванович Акулов сумел поэтически воссоздать атмосферу сельской жизни, красоту труда хлебопашца, сочные краски летней природы и серое однообразие осени, сияние дождевых капель и запахи трав.

Бодрая, хотя порой и суровая интонация повествования наполнена ощущением жизненной силы, которую дает человеку постоянный поединок с природой, дружба с землей.

В романе «Ошибись, милуя», крепком морозном воздухе его легче дышится всей грудью и с надеждой, в предчувствии весны-красны. Есть описания грозы. Вообще описания природы захватывают весь ход романа, переполняют его особым настроением чувств, полифония пейзажа чрезвычайно богата.

Читая роман, все время думаешь, почему так много замечательных страниц отдано родному пейзажу? Наверное потому, что в пейзаже Акулов видел бескрайние возможности выразить национальную душу, показать лоно, которое эту душу растило.

Творчество Ивана Акулова - как родник около дороги, у которого нет географического обозначения, но каждый, кто проходит мимо, наитием своим угадывает, что тут он может передохнуть и освежить взор и душу. Иван Акулов - писатель очень народный, справедливый...

С Туры веяло сыростью молодой короткой ночи и свежей прохладой лугов.

«Да, все из земли, все! Вот опять новый роман затеваю «Ошибись, милуя»- так назвал его,- и опять о земле. Землю сбережем – себя сбережем. Так-то...»

Валентин Сорокин из воспоминаний об И.И. Акулове

«Писатель одним из первых сказавший горькую правду о трагедии российского крестьянства, несправедливо пролившего много крови в годы разгула раскулачивания. Писатель, сохранивший в своих книгах прекрасную русскую речь- одно из самых главных наших достояний».

В. Живулин

И.И. Акулов в часы
отдыха на природе

**За реку глянешь- сердце мрет: леса и
леса до самого неба. Для нас это од-
но любованье: мы люди лесные...**

г. Туринск

улица Ленина, 33

Телефон: +7-34349-2-15-54

Эл. почта: bibl_tur@mail.ru